

РАЗДЕЛ II. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.111

Анурова О.М.¹, Смыслов С.П.²

¹Московский авиационный институт

(Национальный исследовательский университет)

²Московский государственный областной университет

МОДЕРНИЗИРОВАННАЯ АНТИЧНОСТЬ В РОМАНАХ Р. ГРЕЙВЗА И ЕЁ ОТРАЖЕНИЕ В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ)

Аннотация. В центре внимания автора статьи – модернизированный художественный текст и встречающиеся в нём анахронизмы, а также специфика их перевода с английского языка на русский. Рассмотрены лингвостилистические особенности таких текстов и их межъязыковой передачи. За основу взяты анахронизмы в сфере юриспруденции, встречающиеся в романе Р. Грейвза «Божественный Клавдий и его жена Мессалина». Исследуется репрезентация данной лексики на переводном языке и способы передачи, используемые в тексте для достижения адекватности подлиннику.

Ключевые слова: анахронизм, лексика, юридический, художественный, перевод, текст.

O. Anurova¹, S. Smyslov²

¹Moscow Aviation Institute (National Research University)

²Moscow State Regional University

MODERNIZED ANTIQUITY IN R. GRAVES'S NOVELS AND ITS RUSSIAN TRANSLATION (IN SPHERE OF JURIDICAL TERMINOLOGY)

Abstract. The article deals with the concept “modernized fiction text”, anachronisms used in it and ways of translating them from English into Russian. Linguostylistic features of this type of texts and their translation are also described. As the basis for our research we use juridical anachronisms from R. Graves' novel “Claudius the God and his wife Messalina”. The article presents the results of translation analysis and methods to achieve the adequate translation.

Key words: anachronism, lexical, juridical, fiction, translation, text.

© Анурова О.М.¹, Смыслов С.П., 2015.

Перевод, по определению В.Н. Комиссарова, – это «сложный и многогранный вид человеческой деятельности» [6, с. 11]. Исследователь справедливо отмечает: «В переводе сталкиваются различные культуры, разные личности, разные складывания мышления, разные литературы, разные эпохи, разные уровни развития, разные традиции и установки» [6, с. 11]. Действительно, в наш век всеобщей глобализации, когда ни одна наука, по сути, не может существовать сама по себе, изолированно от влияния других наук и взаимодействия с ними, можем ли мы говорить о переводе как о простом «переложении» лексем одного языка на другой? Что должен учитывать переводчик, делая свою работу и сталкиваясь часто с весьма неоднозначными лексическими ситуациями? К. Чуковский, который сам создавал непревзойдённые переводы таких произведений классической художественной литературы, как «Робинзон Крузо» Даниэля Дефо, «Приключения Тома Сойера» Марка Твена и др., отмечал: «В том-то и дело, что мы от художественного перевода требуем, чтобы он воспроизвёл перед нами не только образы и мысли переводимого автора, не только его сюжетные схемы, но и его литературную манеру, его творческую личность, его стиль. Если эта задача не выполнена, перевод никуда не годится... Ибо горе не в том, что плохой переводчик исказит ту или иную строку Чиковани, а в том, что исказит самого Чиковани, придаст ему другое лицо» [10, с. 47]. Сам же грузинский поэт С.И. Чиковани прокомментировал перевод своих стихов в «Литературной газете»: «Я <...> выступал против экзотизма, против осахаривания грузин-

ской литературы, против «шашлыков» и «кинжалов». А в переводе оказались шашлыки, вина, бурдюки, которых у меня не было и не могло быть, потому что, во-первых, этого не требовал материал, а во-вторых, шашлыки и бурдюки не моя установка» (цит. по: [10, с. 47]). Безусловно, переводчик должен учитывать, какая задача перед ним ставится, и какая ответственность за автора, за его облик в глазах читателя возлагается на его плечи. Конечно, невозможно объять необъятное, и здесь трудно поспорить, что любой язык со всеми его красками и особенностями и есть то «необъятное», к тому же, живущее своей собственной жизнью и постоянно изменяющееся. Но всё же переводчик должен стремиться соблюдать стиль автора, грамматические особенности, хотя это не всегда возможно. Так, если автор использует инверсию, хотелось бы увидеть её и в переводе, метафоры должны остаться на своём месте, а лингвокультурные особенности – на своём.

Аналогично обстоит дело и с той или иной совокупностью лексических и фразеологических единиц, которая отражает соответствующие сферы общественной жизни, среди них традиционно выделяют единицы терминологического и профессионального характера. При этом, рассматривая данную проблему в диахроническом аспекте, необходимо принимать во внимание фактор исторического развития (сравним, например, лексику, относящуюся к церковно-религиозной жизни в XVII–XVIII и XX–XXI веках). Применительно к древнеримской эпохе особую важность приобретает область, связанная с юриспруденцией, так как именно в неё римлянами был

внесён наиболее крупный вклад. Сказанное относится и к случаям, когда Древний Рим становится объектом художественного описания, причём нередко как своего рода опрокинутая в прошлое современность. Именно так обстоит дело с романами Р. Грейвза (напр.: «Божественный Клавдий и его жена Мессалина»), считающимися своего рода образцами модернизированных текстов.

Когда мы говорим о модернизации и модернизированном тексте, то акцентируем внимание прежде всего на лексемах, т. е. терминах, реалиях, именах существительных и их производных. Что в первую очередь отличает одно время от другого? Наше время от советской эпохи или Древнего Рима? Одно из главных отличий – это вещи, которые нас окружают: предметы обихода, виды транспорта, названия профессий и государственных институтов, способы людей обращаться друг к другу. Услышав фразу «Товарищ, послушайте!», мы можем представить себе Советский Союз, а такое обращение, как «милостивый государь», может перенести нас, например, в XIX век. Об остальном можно сказать, как говорил М. Булгаков от лица своего персонажа Воланда: «... Люди как люди. Любят деньги, но ведь это всегда было <...> Ну, легкомысленны... ну, что ж... обыкновенные люди... в общем, напоминают прежних...». Во все времена людей волнуют одни и те же вопросы: деньги, власть, любовь, дружба, предательство, только в разные времена и эпохи эти вопросы «одеты» в разные одежды времён. Одежды разные, а чувства и эмоции всё те же, те же горести и радости. Когда мы говорим о модернизации, это значит, что «лексические

одежды» из одной эпохи попали в другую. Автор мог это сделать преднамеренно, преследуя те или иные цели (мы уже писали об этом в одной из статей), или непреднамеренно – в силу недостатка определённых фоновых знаний или необходимой информации. Задача же переводчика – оценить, насколько уместно смотрится эта модернизация в переводе, и в то же время не забывать о том, что главное – не исказить авторский замысел и стиль.

Возвращаясь к творчеству Р. Грейвза, можно прежде всего отметить, что он как бы притягивал целый исторический слой к эпохе читателя, то есть в данном случае – к первой половине XX в. Так, мы встречаем на его страницах капитанов, гвардейцев, солдат и даже пехотинцев во времена правления императора Клавдия. Другие же авторы берут читателя с собой и погружают его в ту глубокую древность, заставляя не только «увидеть», но и почувствовать дыхание тех дней. Если мы откроем один из романов Д. Балашова (например, «Младший сын»), то у стен Кремника нас встретит *ратник*, а не *солдат*, городом будет управлять *тысяцкий*, а не *городовой* или *мэр*. Автор свободен в своём выборе, это его право. У переводчика такого выбора нет. Он может лишь следить, чтобы «гвардейцы» гармонично вписались в эпоху римских цезарей, хотя до их появления – ещё почти 15 столетий <...> Речь идёт о случаях, когда «описывая явления прошлого (как своего, так и инокультурного), автор сознательно прибегает к анахронизмам, придавая тем самым своему повествованию современно-злободневное звучание» [9, с. 87–89].

В романе Р. Грейвза «Божественный Клавдий и его жена Мессалина» есть

много упоминаний о процессе судопроизводства в то время. Так как сам император в начале своего правления уделял достаточно много внимания тому, как и за что осуждают его подданных, и даже сам выступал в роли судьи, мы постоянно встречаем в тексте модернизированные лексемы. Сейчас мы уже привыкли, что область юриспруденции – это область, где глобализация проявилась наиболее заметно. Существует международное право, Международный уголовный суд в Гааге, а также Европейский суд по правам человека и т. д. Юристы во всех странах мира говорят на «одном языке», и практически во всех развитых странах мира этот процесс унифицирован. Везде есть понятия уголовного и гражданского права, понятия *судья* и *суд присяжных*, *адвокат*, *прокурор*, *обвиняемый*, *права и свободы*, *уголовное дело*, *иск*, *приговор*. Сейчас мы иногда не задумываемся о том, что даже столетия назад во всех странах были существенные различия в этом процессе, не говоря уже об эпохе римских цезарей. «Как известно перевод является одновременно средством межъязыковой и межкультурной коммуникации. Это сложный и многоаспектный процесс, включающий в себя процесс и результат перевода, факторы, влияющие на них и участников коммуникации» [7, с. 100]. В данном случае в этой роли выступают Р. Грейвз с его авторским замыслом и наш российский читатель.

Рассмотрим примеры модернизированных терминов из романа Роберта Грейвза «Божественный Клавдий и его жена Мессалина»:

«The *lawyers* did not like me for that and told each other that I was ridiculing justice».

«*Адвокатам* это очень не понравилось, и они сказали, что я высмеиваю правосудие» [5, с. 105].

Что касается термина «адвокат», здесь мы, безусловно, можем говорить о модернизации (хотя сам термин относится к словам латинского происхождения), так как древний Рим внёс значительный вклад в развитие прав и свобод граждан. Там были и свободные защитники – патроны. В лице их совмещались две профессии: юрисконсульты и адвокаты. В России первые профессиональные защитники упоминаются только в XV в., и восприятие данного термина реципиентом на Западе и в России будет разным. Мы наблюдаем модернизированный эквивалент, как в оригинале, так и в переводе. Причём можно отметить, что английское «lawyer» имеет более общее значение, чем термин «адвокат», охватывая широкий спектр представителей юридической профессии.

Вот ещё один пример: «That was a punishment ordained for forgery by Caligula and had not yet been removed from the *penal code*». «Таково было высшее наказание за подлог, назначенное Каллигулой и ещё не исключённое из *уголовного кодекса*» [5, с. 109].

Понятно, что применительно к Древнему Риму не приходится говорить об уголовном кодексе в собственном смысле слова (подробнее об этом – несколько ниже). Г. Островская также перевела реалию калькированием [4], и модернизированной реалии в оригинале соответствует такой же модернизированный эквивалент в переводе. Что касается России, то впервые слово «уголовный» в русском языке появляется только в 1845 г. в словосочетании «наказания уголовные и исправитель-

ные», позже возникают «уголовное уложение» и «уголовное законодательство», и только в 1922 году впервые появится словосочетание «уголовный кодекс» [2]. Что касается Древнего Рима, то там речь может идти о различных законах, охватываемых понятием римского права, нарушение которых влекло за собой ответственность, обозначавшуюся латинским словом «*sanctio*». Сам же закон имел постоянную структуру и состоял из:

1) *praescriptio* – вводной части, описывавшей мотивы принятия, имя составившего закон магистрата и дату принятия;

2) *rogatio* – основной части, содержавшей функциональную часть закона;

3) *sanctio* – санкции, указывавшей ответственность за нарушение норм, установленных законом.

Обратимся к следующему примеру:

«*Telegonius gives instruction and advice to all who have become involved in financial or personal difficulties necessitating their appearance in Civil or Criminal courts*».

«Телегоний даёт инструкции и советы всем, кто столкнулся с финансовыми и персональными трудностями и вынужден вследствие этого явиться в *гражданский* или *уголовный суд*» [5, с. 102].

Что касается Древнего Рима, то там не было государственной структуры «уголовный суд», в том виде, как мы привыкли его представлять. Так, уже в раннем принципате при императоре Августе народного собрания римских граждан фактически не существовало. Уголовным процессом занимался сенат и суд присяжных. А уже в I в. эти функции отошли к городскому пре-

фекту (*praefectus urbanus*). Что касается гражданского суда, то в Древнем Риме не было постоянных органов, отвечающих за эту процедуру. Эти функции возлагались на магистратов, преторов, а также третейских судей. Правом же законодательной инициативы (создание эдиктов) также обладал каждый магистрат. Таким образом, перед нами классический пример использования модернизированной лексики и, собственно, модернизации, а также её модернизированные эквиваленты в переводе. Как и в предыдущих примерах, переводчица предпочла калькирование.

«*I tried the case, took sworn evidence (overruling the objection of the defending lawyer that prostitutes' oaths were both proverbially and actually worth nothing) and had this put in writing by the court recorder*» [11, p. 173].

«Я вёл этот процесс; я велел *привести к присяге* свидетельниц, игнорировав возражение защитника относительно того, что лживость проститутток вошла в поговорку и клятва их ничего не стоит, и стал слушать их показания, велел судебному регистратору всё заносить в протокол».

Что касается термина «*to swear*», то помимо значения «приводить к присяге» существует и более нейтральное «клясться», «клятвенно заявлять». «Самая власть государственная опиралась на религиозное чувство, как на глубочайшее свое основание <...> каждый важный шаг скреплялся религиозным актом – клятвой (*sacramentum*). Судьи тоже обыкновенно клялись, когда приступали к совещанию о деле. Дача свидетельских показаний на суде была соединена существенным образом с принесением клятвы. Выражение

«сказать что-нибудь с клятвой» было равносильно выражению «быть свидетелем» [1, с. 186]. У нашего же читателя словосочетание «привести к присяге» скорее ассоциируется с военной отраслью, армией, хотя в британском судопроизводстве указанная процедура играет весьма важную роль.

Остановимся ещё на одном примере: “The Crown Prosecutor was a man called Afr, engaged for his eloquence” [11, p. 205]. В большинстве найденных нами определений данного понятия подчёркивается, что “Crown Prosecutor is the title given in number of jurisdictions to the state prosecutor – a legal party responsible for presenting the case against an individual in a criminal trial” [2]; в частности, “In Britain, a crown prosecutor is a lawyer, who works for the state and who prosecutes people who are accused for crimes” [12]. Таким образом, подчёркивается *государственный (state)* характер обвинительной функции, но «в Риме не было государственных прокуроров» [3, с. 452]. Это вытекало из принципа, согласно которому «инициатива обвинения принадлежит только отдельным гражданам – частным лицам; это так называемый *принцип частной accusatio* <...> если не находилось частных лиц, готовых взять на себя роль обвинителя, преступление оставалось безнаказанным... Уголовный процесс, таким образом, построен в значительной степени по началам гражданского <...>» [8, с. 154–155]. Изменено было подобное положение дел уже значительно позже – в период абсолютной монархии, когда «частная *accusatio* не изменяется, но перестаёт быть исключительной; рядом с ней допускается и преследование по почину власти...» [8, с. 206].

Как мы уже говорили, область юриспруденции наиболее подвержена глобализации и унификации своей структуры в различных государствах, к тому же правовая база Древнего Рима, а также её судебная система стала основой для возникновения и развития судебных систем Европы, её образцом и прообразом. Оценивая в целом текст перевода в его отношении к оригиналу, можно констатировать, что передача рассматриваемого аспекта может быть квалифицирована как отвечающая требованиям адекватности. Как правило, анахронизму в оригинале соответствует анахронизм в переводе, его модернизированный эквивалент. Случаи деанахронизации либо опущение анахронизма, существующего в переводе, нам в области юриспруденции в романе Р. Грейвза не встречались, так как в русской версии практически отсутствуют.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бердников И. Государственное положение религии в римско-византийской империи. Т 1. Государственное положение религии в римской империи (до Константина В.). Казань: Тип. Имп. ун-та, 1881. 580 с.
2. Википедия. Свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 03.06.2014).
3. Гиро П. Быт и нравы древних римлян. Смоленск: Русич, 2000. 576 с.
4. Грейвз Р. Я, Клавдий: роман / Пер. с англ. Г. Островской. М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2010. 608 с.
5. Грейвс Р. Божественный Клавдий и его жена Мессалина [Электронный ресурс]. URL: http://ruslib.org/books/greyvs_r/bozhestvenniy_klavdiy_i_ego_zhena_messalina-read.html (дата обращения: 20.03.2015).

6. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2000. 188 с.
7. Коротчаева И.Э. Особенности перевода безэквивалентной лексики транспортной тематики с английского языка на русский // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2014. № 2. С. 99–104.
8. Покровский И.А. История римского права. Минск: Харвест, 2002. 528 с.
9. Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И. Межкультурная адаптация художественного текста. М.: Прометей, 2003. 172 с.
10. Чуковский К.И. Высокое искусство // Чуковский К.И. Собрание сочинений в 15 т. М.: Терра – Книжный клуб, 2001. Т. 3.
11. Graves R. Claudius the God and His Wife Messalina [Электронный ресурс]. URL: <http://www.goodreads.com/book/show/52251> (дата обращения: 03.06.2014).
12. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Oxford: Bloomsbury Publishing Plc. & Macmillan Publishers Ltd., 2002. 1692 p.